

ОСТРОВНОЙ ЖЕНЩИНЕ И ЕЕ СЕСТРАМ

* * *

Мир сновидений — это Реальный мир.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ,
ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ИРОКЕЗАМ-СЕНЕКА

*Душа способна подчинять себе судьбу,
которая предначертана ей.*

ПЛАТОН

*Magiam operare non est aliud quam maritare mundum.
Работа мага состоит в том, чтобы воссоединять миры.*

ПИКО ДЕЛЛА МИРАНДОЛА.
CONCLUSIONES MAGICAE

*Тохса шаша никон'грэн —
не позволяйте своему разуму опуститься,
не забывайте.*

ВЫСКАЗЫВАНИЕ,
ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ИРОКЕЗАМ-МОГАВКАМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	7
Вступление. Сон глазами Ястреба	10
ЧАСТЬ I. ПУТЕШЕСТВИЕ К СЕРДЦУ ПРАМАТЕРИ	
Глава 1. Духи влюбляются	23
Глава 2. Когда предки приходят на территорию живых	27
Глава 3. Встреча с людьми сновидений	38
Глава 4. Жизнь в двух мирах	57
Глава 5. Учение Шамана Сердца	66
Глава 6. Врата к Праматери	74
ЧАСТЬ II. ИРОКЕЗАМ СНИТСЯ МИР	
Глава 7. Код истории и внутренние песни	85
Глава 8. Падающая Женщина создает мир	90
Глава 9. Битва Близнецов.	102
Глава 10. Зеркало Гайаваты	112
ЧАСТЬ III. УЧЕНИЕ ОСТРОВНОЙ ЖЕНЩИНЫ	
Глава 11. Сновидение в Темные времена	129
Глава 12. Рождение могущественной женщины	133
Глава 13. Мир сновидений — Реальный мир.	144
Глава 14. Сестры Камня.	152
ЧАСТЬ IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ДРЕВНИЕ ТРОПЫ СНОВИДЕНИЙ	
Глава 15. Женщина-Черепаша ищет сновидца	155
Глава 16. Шаман на завтрак.	160
Глава 17. Возвращение сновидений тем, кто в них нуждается	169
Глава 18. Целительное сновидение	177
Глава 19. Возвращение души домой через сны	187
Глава 20. Почитание духов.	198
Глава 21. Певец сознания	209
Эпилог. Опасность потери Неба	216
Приложение 1. Дополнительные ресурсы, которые могут быть предоставлены автором	223
Приложение 2. Создание круга активных сновидцев в вашем сообществе.	225
Словарь ирокезских слов.	228
Библиография	233

СОН ГЛАЗАМИ ЯСТРЕБА

ПРИЗВАННЫЙ СНОВИДЦЕМ ДРЕВНОСТИ

В середине 1980-х годов я переехал на ферму недалеко от Чатема, в северной части штата Нью-Йорк, чтобы побыть вдали от суеты больших городов и бизнеса, которым занимался. Я купил эту ферму из-за росшего за домом старого белого дуба, который пережил удар молнии. Я ощущал древнюю связь между нами. Когда я впервые приехал на ферму, то сел под ним, прислонившись к его могучему стволу, и позволил своему сознанию свободно плыть. И через некоторое время я уже видел то, что происходило на этой земле на протяжении веков, пока дуб рос здесь. Я чувствовал, что по его корням могу спуститься глубоко в землю. Глубинная энергия земли поднималась, сильная и насыщенная, через мои ступни, через основание позвоночника, через мои нижние энергетические центры. Я отпустил свое сознание и поглощал солнечный свет, подобно дереву. Я погрузился в сновидение сердцевины дерева.

Я открыл глаза и взглянул на небо. Краснохвостый Ястреб медленно кружил надо мной. Его оперение сверкало серебром, а клиновидный хвост отливал красновато-коричневыми оттенками. Несколько раз он издал резкий хриплый крик: «Кррр-кррр-кррр...» Когда я направился обратно к дому, я нашел оставленное мне канюком перо из крыла. Я взял его себе как подтверждение того, что чувствовал, сидя под дубом. Эта земля звала меня.

После того как я переехал на ферму, краснохвостый Ястреб часто появлялся во время моих прогулок, кружа над моей головой и говоря со мной на языке, которого я не знал, но чувствовал. Однажды ночью Ястреб дал мне свои крылья. Когда над полями появились светлячки, я погрузился в сумерки между бодрствованием и сном. Одним из образов, спонтанно возникших в моем сознании, была двойная спираль. Я исследовал один такой рисунок, выбитый тысячи лет назад на охранном камне огромной гробницы Нью-Грендж во время поездки в Ирландию. Я считал эту гробницу Глазами Богини, в которых переплелись творение и разрушение. Меня затянуло в двойную спираль. Все закружилось, и я легко вышел из своего тела. Я плавно переместился к окну, и оно растянулось, как ириска, пропуская меня. Я наслаждался чувством полета, поднявшись над деревьями и направляясь к озеру Джордж. Чувство полета ощущалось абсолютно физически, и, радуясь ему, я осознал, что я не был лишен тела, однако не находился и в своей обычной форме. У меня выросли крылья. Это были крылья Ястреба,

но их размер подходил для человека. Я наслаждался ощущением воздушного потока и тем, как устремлялся вниз, чтобы рассмотреть береговую линию озера, а затем испытал небольшой дискомфорт, возникший, когда одно из моих крыльев задело иглы старого, иссушенного хвойного дерева.

Я заметил, что мир внизу будто принадлежит иному времени. Вокруг озера не было признаков вмешательства человека в природу: ни промышленного развития, ни современных дорог, а заселенность этих мест была едва заметна. Я летел над девственными лесами. Я чувствовал, как нечто влекло меня все дальше на юг. Я решил последовать этому зову, насколько не сомневаясь. Я прилетел к хижине в лесу, и мне казалось, что это место должно находиться где-то поблизости от Монреаля, хотя в той действительности современного Монреаля еще не было.

Меня приветствовала женщина необычайной красоты, явно властная. На ней был широкий, украшенный бисером пояс. Один его конец был закинут на плечо. Она потрясала поясом в такт темпу своей певучей речи, которая накатывала волнами, подобно воде озера. Я заметил, что бисер ее пояса был цилиндрической формы и в большей части — ослепительно белым, настолько белым, что между нами возникло свечение. Фигурки людей и животных — силуэты мужчины и женщины, держащихся за руки, и волка — выделялись среди более темных бисерин.

Я был взволнован и заинтригован. Язык женщины прошлых времен был еще более чужим, чем язык Ястреба. В последующих снах и видениях я погружился еще глубже в мир древней женщины. Хотя язык был мне незнаком, она, как и Ястреб, говорила так, как будто я должен был ее понимать. Я записал отдельные отрывки ее монологов, стараясь передать звучание слов как можно лучше. Затем стал искать людей в нынешнем мире, которые могли бы расшифровать эти слова. Автохтоны определили, что это древняя форма относящегося к ирокезской группе языка могавков, в который были вплетены некоторые слова гуронов. Возможно, так могавки говорили 300 лет назад!

Постепенно я понял, что древняя женщина, призвавшая меня, была *Аренджуанен*, или женщиной, обладающей властью; *атетиентс*, или шаманом сновидений и матерью клана Волков племени могавков. Понял и то, что она говорила со мной, находясь в другом времени и другом измерении. Я стал называть ее Островной Женщиной, отчасти потому, что она родилась среди гуронов — тех, кого могавки называли островными людьми¹.

Благодаря контакту с ней я близко познакомился с возможностью путешествий во времени, происходящих в продолжение сна. Мы можем перемещаться в будущее, чтобы разузнать о трудностях и возможностях,

¹ Миссионер-иезуит, который составил первый словарь языка могавков, сообщил в XVII веке, что могавки называли гуронов островными людьми — термин, который он передавал как *Хати'индогерха* — «потому что они жили на острове». Jacques Bruyas. *Radices verborum iroquaeorum* [Root words of the Iroquois], New York: Cramoisy Press, 1863, 22, 55, 69. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ожидающих нас впереди на дороге жизни. Мы также можем обращаться к будущему, как это делала Островная Женщина, для решения проблем, с которыми невозможно работать способами, доступными в текущем времени. Еще более поразительно то, что, как сознательные сноходцы, мы можем входить в настоящее людей, живущих в других эрах, в прошлом или в будущем, и приносить друг другу поддержку, помощь и исцеление. Таким образом, мы можем встречаться даже с самими собой — в другом возрасте.

ЧЕРЕЗ ЛУННЫЕ ВОРОТА

Эти путешествия были волнующими, но в целом не слишком удивительными для меня. Мир сновидений — мой дом. Хотя меня восхищало то, что ирокезы на основании неоспоримых фактов утверждают, что мир сновидений есть Реальный мир (они называют наше состояние бодрствования Миром теней или поверхностным миром), я знал это с раннего детства, которое провел в Австралии. Позвольте мне поделиться этой историей. Она рассказывает об изгибах времени, о помощи и исцелении, не имеющих временных границ.

Когда мне было девять лет, я был направлен в больницу в Мельбурне, Австралия, после жалобы на боль в правой нижней части живота. Доктора выяснили, что мой аппендикс был готов вот-вот разорваться. Врачи сомневались в моей способности перенести операцию, так как я слишком тяжело пережил последний приступ пневмонии из множества тех, что случались со мной прежде.

— Вам лучше попрощаться с ним, — сказал моей матери один из докторов. — Он не сможет этого пережить.

Находясь под наркозом на операционном столе, я вышел из своего тела, решив, что мне совершенно не хочется наблюдать за кровавым действием, и выскользнул за дверь, которая как будто растянулась, пропуская мое энергетическое тело через коридор, туда, где на сильном плече моего отца рыдала моя мать.

Я оказался у окна, за которым был свет, весенние краски и смех молодых влюбленных, сидящих на скамейке и купающихся в улыбках друг друга. Я почувствовал притяжение океана. Я не мог видеть берег из окна больницы, поэтому прошел через стекло наружу, туда, где черный дрозд пронзительно запел и взмыл в воздух. Я последовал за птицей и полетел над крышами.

Паря над городом, я видел огромное лицо луны, ее рот был широко открыт, образуя ворота в луна-парк, популярный парк аттракционов на воде. Я проскользнул через ворота и погрузился во тьму. Я пытался изменить направление, но что-то затягивало меня. Это было подобно падению в шахту, которая уходила на многие мили в глубь земли.

Я упал в другой мир. Было трудно разглядеть что-либо: мешал дым, валивший из огромной ямы. Гигант с кожей цвета белого пепла поднял меня над землей и запел. Люди того мира приветствовали меня. Они были высокими, как бы вытянутыми, очень бледными и не походили ни на кого из виденных мной за мои девять лет, проведенных в поверхностном мире. Они сказали, что видели во сне мое прибытие.

Прошли годы. Эти люди вырастили меня как своего. Большая часть обучения требовала от меня видеть сны: в одиночестве в пещере или с другими, лежа вокруг огня в доме собраний.

Во время главного праздника в году, когда костер взвился выше выполненных в виде птиц фиалов дома собраний, я вступил в брак с любимой племянницей шамана-короля этих людей. По мере того как я становился старше, мои воспоминания о жизни на поверхности бледнели и стирались. Я стал отцом и дедом, шаманом и старейшиной. Когда мое тело закончило существование, люди положили его на погребальный костер.

Вместе с дымом от костра я поднимался вверх, отыскивая тропу среди звезд, где огни галактик стекались вместе — как молоко. Когда я поднялся над своим домом под поверхностью земли, я был поражен красотой жизни. Я погрузился в опьянение зелени, прорвался через земную кору в мир горячего асфальта, машин, поездов — и внезапно вернулся обратно в измученное тело девятилетнего мальчика на больничной койке в больнице Мельбурна.

Благодаря этому и другим переживаниям раннего детства я знал, что существуют миры вне физической реальности. Но так как я рос в семье военного, в консервативное время, то знал лишь нескольких человек в обычной жизни, с которыми мог безопасно поделиться переживаниями такого рода. Первым человеком, который подтвердил реальность пережитого мною, был коренной австралийский мальчик, воспитанный в традиции, которая ценит сновидения и учит, что мир снов реален.

Я встретил Джеко, когда жил в далеком от цивилизации пригороде Брисбена. Мы катались на поездах, гуляли в зарослях и рассказывали друг другу свои сновидения. Джеко подтвердил, что сны — это путешествия: мы часто покидали свои тела и отправлялись в будущее или в другие измерения, включая реальности предков и духовных наставников. Дядя Джеко, популярный художник, нашел сюжеты для своей самой важной работы — священных картин, которые не были предназначены для туристов, — отправившись в путешествие во время своих сновидений.

В снах меня посещали другие наставники. Одним из них был излучающий свет молодой грек, который настаивал на использовании сложного словаря философов — сторонников неоплатонизма, он научил меня тому, что истинное знание можно получить, «вспомнив» то знание, что принадлежит нам на уровне души и духа. Оно существовало до того, как мы начали свои жизни, которые проживаем сейчас. Одним из тех, кто посе-

тил меня во сне, был пилот королевских воздушных сил времен Второй мировой войны. Еще одним другом из сновидений был большой мужчина с седыми волосами, напоминавший доброго дядюшку. Во время моих изнурительных болезней он обещал мне, что, несмотря на все, я выживу. Он говорил: «Это может показаться странным, но придет день, когда люди не просто будут говорить о своих снах, но и будут желать этого». У этого мужчины была странная просьба. Он хотел, чтобы я солил и перчил свои пончики, когда мать брала меня с собой в кафе магазина «Маерс», чтобы попить чая во время ее походов за покупками. Моя семья посчитала это еще одной моей детской странностью.

А грек показал золотую змею, обвившую посох, и сказал, что этот знак вылежит меня. Однажды, когда я возвращался домой из школы, то увидел в просвете грозового неба этот же образ змеи, выросший до колоссальных размеров. После этого мои опасные для жизни болезни прекратились.

По мере того как я следовал своим снам во взрослой жизни, я выяснил, что переход в многомерную реальность возможен и в отсутствие суровых испытаний детства, что каждую ночь в снах открываются врата в миры бесконечных приключений и возможностей. Много десятилетий спустя я вернулся в Австралию из своего нового дома в северной части штата Нью-Йорк, чтобы обучать техникам работы со снами большие группы слушателей. На выставке искусства коренных жителей Австралии в музее Сиднея я увидел настенные росписи, достаточно точно изображавших существ, с которыми я познакомился после того, как влетел в ворота луна-парка. Это были работы художника из Арнемленда, который называл этих бледных, вытянутых существ «духами мими». Он рассказал, что когда заболевает, то отправляется жить к этим духам, а когда поправляется, то возвращается в обычный мир.

В Мельбурне я отправился в магазин «Маерс», чтобы поесть пончиков с солью и перцем в тамошнем кафе. Но оказалось, что пончиков там больше не подают. Когда я взглянул в зеркало, я увидел большого человека с седыми волосами, который навещал меня в детстве. Это был я сам во взрослой жизни. Я понял, что он сдержал свое обещание.